

Тисьма в Лондон

Вера Юдина

Вера Юдина

Письма в Лондон

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9458846
Вера Юдина Письма в Лондон: Izdat-knigi.ru; 2014*

Аннотация

Маша и Стас познакомились в раннем детстве. Она – дочь всемирно известного русского художника, он простой парнишка со двора. По стечению обстоятельств, они росли в одном дворе, учились в одной школе и дружили. После школы, Маша уехала к отцу в Лондон, не оставив Стасу даже обратного адреса. Казалось бы, они расстались навсегда, и ничто уже не сможет свести их вновь, однако у судьбы на этот счёт имеются свои планы.

Спустя несколько лет после расставания, Маша и Стас случайно встречаются. Вспыхивают чувства, которые томились в их сердцах все эти годы. Но смогут ли они перешагнуть через своё прошлое и научиться просто любить друг друга? Ведь Маша замужем, а у Стаса есть девушка.

К тому же в сердце Стаса засела детская обида, ведь не зная адреса, он написал Маше в Лондон, сотни писем. Только нашли они адресата, лишь спустя много лет...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вера Юдина

Письма в Лондон

*Чье сердце не горит любовью страстной к
милрой, –*

Без утешения влачит свой век унылый.

Дни, проведенные без радостей любви,

Считаю тяготой ненужной и постылой.

Омар Хайям

Copyright Vera Yudina 2014 г.

izdat-knigu.ru edition

Пролог

Вечером 1980 года, собрав из вещей только самое необходимое, Николай Витанский вышел из дома номер 13 по улице Строителей, держа в руке единственный билет до Лондона. Билет в один конец. В тот вечер он навсегда покинул родной город. Город, в котором родился и вырос. В тот вечер он бежал. Бежал от суровой реальности своей убогой жизни, бежал к большой мечте, в далекую загадочную Европу.

Николай был художником. С детства он любил рисовать, и часто ему говорили, что его картины откровенно дышат реальностью. Они живые и красочные, наполненные настоящими эмоциями. Но в те года добиться успеха бедному мастеру в глухой и стремительно летящей в бездну России оказалось несбыточной мечтой. Именно горькие разочарования и отчаянные попытки хоть чего-то добиться на любимом поприще погнали неизвестного русского художника в страну туманов и дождей.

Он бежал из дома, оставляя молодую жену и новорожденную дочку. Николай знал, что если он скажет Люсе о своих планах, то она непременно начнет отговаривать его. Она никогда не одобрит этого решения, поэтому он бежал в сумерках, когда семья уже крепко спала.

Он верил, что, когда добьется успеха, Люся все поймет. Она простит его и будет им гордиться. Ведь он делал это ра-

ди них. Ради жены и дочери. Николай с ужасом вспоминал свое нищее и убогое детство. Измученную мать, вынужденную работать на нескольких работах, только для того, чтобы поставить его на ноги. Она часто жертвовала многим, чтобы Николай мог заниматься своим любимым делом. Но жертвуя всем ради искусства, она не могла позволить купить сыну лишнюю пару брюк или ботинок. Николай с содроганием вспоминал ехидные насмешки сверстников, когда он часто выходил из дома в коротких и залатанных штанах, держа под мышкой дешевый мольберт.

Но, несмотря на откровенный скептицизм, окружающий его с детства, Николай, через годы, пронес в себе веру в свой успех. Он знал, что каждый выбирает себе мечту по силам и только слабые духом сдаются и останавливаются. Он не считал себя слабым.

Несколько лет, собирая деньги по крохам и откладывая каждую заработанную на своих картинах копейку, он копил на свою мечту. И вот настал тот день, когда в кармане у него лежал билет на самолет и несколько новеньких сто долларовых купюр, на первое время жизни в Лондоне.

Он ехал, гонимый одной мечтой – обеспечить своей дочери благополучное и сытое детство. Он мечтал видеть свою супругу в дорогих нарядах и красивых одеждах. Он твердо верил, что придет время и он заберет их к себе. Вот только встанет на ноги и весь мир положит к ногам любимых женщин.

Но приехав в Лондон, Николай столкнулся с суровой реальностью. Его денег, собранных с таким трудом и через невероятные лишения, с натягом хватало на убогую квартиру в Ист-Энде (самом нищем квартале Лондона), в сером и убогом панельном доме, с грязными парадными и непереносимым запахом нищеты.

Первое время Николай верил, что его лишения не напрасны; что просто надо много работать. И тогда он обязательно добьется желаемого. Но время шло, а в его убогой жизни, наполненной лишь унижениями и промерзлой нищетой, ничего не менялось. Только в Лондоне Николай понял, что такое настоящие лишения и голод и каково это быть полным ничтожеством в городе, живущим аристократизмом и дышащим снобизмом. Часто самым изысканным ужином бедного художника становилась трехдневная корка хлеба. Николай экономил как мог, но все было напрасно. Остатки денег обещали закончиться уже через несколько дней, и, оценив все минусы своего плачевного положения, Николай вынужден был отправиться на поиски работы.

Истоптав до дыр свои единственные ботинки, Николай все же нашел работу, в тихом уютном пабе, расположенном в старинном английском доме, фасадом выходящем на Хай-стрит.

Каждый день Николай пешком, через весь город, добирался на работу. Денег разъезжать на общественном транспорте у него не было, а все, что он зарабатывал, приходилось тра-

тить на поддержание скудной жизни на чужбине.

Сразу после первой зарплаты, Николай с ужасом осознал, что с этой мизерной суммы ему надо будет обязательно заплатить за квартиру и купить хоть что-то из еды. Наступили времена, когда выживание стало самой целью и образом жизни. Но, несмотря на все трудности, Николай не сетовал на усталость, не обращал внимания на хронический голод и непереносимый холод своего убогого жилища, а с завидной русской выдержкой продолжал хранить в себе веру в свою мечту. Он решил, что человек, прошедший подобный путь, полный лишений и разочарований, способен стать настоящим художником, без штампов и банальщины. Он верил, что душа, в полной мере коснувшаяся отчаяния, учится по-настоящему наслаждаться жизнью.

Часто он писал письма в Россию, тратя на них большую часть своих денег, но ни в одном из посланий он не описывал реальной трагичности своего жалкого существования. Он описывал красоты Лондона, описывал дружелюбность местных жителей и великолепие английских аристократов, обещая при возможности забрать семью к себе. Все его письма дышали искренностью верящего в свою мечту человека. И его семья стала невольной частью этой мечты. Николай жил в чужом городе и верил в реальность своих иллюзий. Но годы шли, а ничего не менялось...

Глава 1

Машеньке только исполнилось пять лет, когда умерла мама и забота о несчастной сиротке перешла на бабушку. Отца своего Маша не помнила, ведь она никогда его даже не видела. Только по рассказам мамы она знала, что, влекомый своей глупой мечтой, он уехал в Лондон, но так и не сумел вернуться обратно.

Часто они получали письма из Лондона, где он писал, что скоро сможет забрать их к себе. Мама читала письма и плакала, а Маша молча сидела рядом, не понимая, что происходит.

Годы шли, мама все меньше верила пустым обещаниям. Ей приходилось много работать, чтобы прокормить себя и маленькую дочь, поэтому времени погрузиться в мечты оставившего ее мужа катастрофически не хватало.

Когда мама работала, Маша все больше времени проводила с бабушкой. Единственные воспоминания о маме у Маши остались смутными: она помнила ее мягкие волосы, в которые любила зарываться; помнила ее теплую улыбку и печальные глаза; помнила ее грустный голос и нежные руки. Одно Маша знала наверняка, что мама любит ее больше всего на свете.

Когда мамы не стало, девочка долгое время не могла поверить в случившееся. Она сидела у окна и ждала ее возвра-

щения. Ведь они так мало времени проводили вместе. Слишком рано болезнь сломала когда-то сильную и здоровую, все еще молодую женщину.

Когда они остались вдвоем с бабушкой, Маше пришлось пойти в детский садик. Бабушка не могла позволить себе содержать внучку на одну пенсию и вынуждена была пойти на работу.

В тот день, когда Маша впервые пошла в детский садик, бабушка нарядила ее в самое красивое платье. Они долго шли по длинным улицам, перед тем, как пришли в странное место, где оказалось много других детей.

По природе своей, с самого детства Маша была замкнутой и стеснительной девочкой, поэтому детский сад показался ей местом ужасным и страшным. Огромное количество шумных и веселых детей бегали и кричали, в то время как Маша предпочитала сидеть в одиночестве у окна, в ожидании окончания дня. Она ждала, что наступит долгожданный час, придет бабушка и заберет ее домой. Из-за того, что Маша никогда не принимала участия в чужих играх, дети относились к ней настороженно и старались избегать ее общества.

И хотя первое время дети проявляли хоть какие-то попытки завести со странной девочкой знакомство и звали принять участие в своих играх, но в скором времени после многочисленных отказов они просто забыли о ней. В один день просто перестали обращать на нее внимание и старались больше не замечать ее присутствия.

Маша слонялась среди них тихим призраком, в огромной, дружной семье, не своя и не чужая.

Однажды в группе появились новенькие мальчики. Один был высоким и красивым. Его одежда была не такой как у всех. Она была слишком красивой и необычной. Его звали Антон. Он был на голову выше Маши и каждый раз, проходя мимо, старался любым способом задеть ее или обидеть. Он называл ее сиротой и голодранкой, а когда Маша отвечала, что она не сирота, ведь у нее есть папа и бабушка, он ехидно смеялся и демонстративно показывал язык.

Второго мальчика звали Стас. Он был таким же тихим и спокойным, как Маша, хотя никогда не пренебрегал общением с другими детьми. И если Антон считался в группе лидером только за то, что часто угощал других детей разными диковинными сладостями, то Стас был лидером по натуре. Дети в группе часто прислушивались к его мнению и уважали за стойкий характер.

Именно в Стасе Маша впервые увидела свою родственную душу. Ей часто хотелось подойти, заговорить с ним, узнать, почему в его глазах таится грусть, но из-за своей природной стеснительности она так и не решилась на этот шаг.

Однажды, когда все дети шли в спальню, Антон, проходя мимо Маши, грубо толкнул ее плечом, да так сильно, что девочка отлетела в сторону, больно ударившись о стену. Ее глаза наполнились слезами, но она промолчала и только проводила обидчика недовольным взглядом. Другие дети продол-

жали заниматься своими делами, делая вид, что ничего особенного не произошло. Маша продолжала стоять у стенки, едва сдерживая слезы и от обиды закусывая нижнюю губку.

В тот день Стас впервые обратил на нее внимание и поспешил прийти на помощь. Он подошел к Антону, который был выше его на голову, и с вызовом процедил:

– Ты обидел даму!

– И что? – взирая на соперника сверху вниз, насмешливо ответил Антон.

– Ты должен извиниться.

– Перед этой плебейкой? Да ни за что! – рассмеялся Антон.

Стас не стал уговаривать его дважды, просто схватил наглеца за шею и со всей силы стукнул его лбом в нос. Брызнула кровь, Антон громко завопил и побежал жаловаться воспитательнице. А Стас как ни в чем не бывало продолжил готовиться ко сну.

Вскоре в спальне появилась встревоженная воспитательница. Стас к тому времени уже разложил свои вещи на стульчике и кропотливо застегивал пуговицы свой старенькой фланелевой пижамки. Воспитательница подошла к нему и строго сказала:

– Наши дети не дерутся. То, что ты сделал, неправильно.

Не поднимая на нее взгляда, Стас передернул плечиками.

– Стасик, ты понимаешь, что поступил плохо? – не унималась воспитательница. – Что скажет твой отец, когда я рас-

скажу ему о твоём поступке?

Стасик снова передернул плечиками. Тогда воспитательница схватила его за руку.

– Завтра я хочу видеть твоего отца, тебе ясно? – в запале воскликнула она, раздраженная откровенным презрением смышленного малыша.

Не выдержав, Стасик поднял на нее взгляд, полный неподдельной мудрости.

– Он не придет! – сквозь зубы процедил он.

– Что это значит?

– Папа погиб, – стойко выдержав недоумевающий взгляд, произнес мальчик и, без резких движений освободив свою ручку, лег в постель.

Под изумленным взглядом воспитательницы, он натянул одеяло на голову и затих. В спальне повисла пугающая тишина. Все дети, до этого момента игравшие и прыгавшие на своих кроватях, неожиданно вдруг затихли и замерли, устремив взгляды на крохотную фигурку, сжавшуюся под клетчатым одеялком. словно поддавшись неизвестным правилам детской игры, воспитательница тоже застыла на месте. Затем виноватым взглядом обвела всех детей и, сглотнув подкативший к горлу ком, произнесла упавшим голосом:

– Всем спать.

Дети в ту же минуту попрыгали в кровати, и только Маша, оставшись стоять у стены, понимающим взглядом продолжала смотреть на маленький, сжавшийся от отчаяния ко-

мок, вздрагивающий под одеялом. Она одна могла знать, что чувствуют дети, когда родители уходят навсегда. Она одна могла понять боль, терзающую маленькое отважное сердечко. Стас оказался таким же, как она, потерянным, но не сломленным. Ей так хотелось подойти к нему, обнять крепко-крепко и прошептать: «Я понимаю твою боль», но она сдержалась. Робко прошла к своей кровати, переделалась и легла спать.

После того случая, Антон перестал обижать Машу. И даже начал проявлять к ней неподдельный интерес. Он начал угощать ее своими диковинными сладостями, которые Маша не ела, а относила бабушке. Один лишь раз она попробовала шоколадную конфетку, обернутую в яркий фантик, и долго-долго потом сидела с закрытыми глазами, наслаждаясь новыми, волшебными ощущениями – конфета медленно таяла во рту, даря неопишуемые восторг и наслаждение.

Стас продолжал держаться к ней отчужденно, только изредка бросая в ее сторону печальные взгляды. Когда Маше доводилось поймать один из таких взглядов, она краснела и отворачивалась.

Антон проявлял все больше интереса к своей новой подруге. Он все чаще садился к ней за завтраком, приносил карандаши и потешные игрушки. Маша получала удовольствие от его внимания и гордилась новым другом.

В один дождливый день, когда все дети остались в группе и Маша сидела как обычно у окна, пальцами подхватывая

сбегающие по обратной поверхности стекла крупные капли дождя, Антон тихо подошел и задал давно тревожащий его вопрос:

– А как это – жить без родителей?

Маша обернулась и серьезно посмотрела ему в глаза.

– Привыкаешь. Почему ты спрашиваешь?

– Папа сказал, что отец Стаса – герой. Он погиб за нашу Родину. Наверное, это здорово – быть сыном героя?

– Наверно. А твой папа?

– Мой папа – банкир. – Глаза Антона наполнились важной гордостью. – Он говорит, что мы очень богатые люди. Самые богатые в городе. Когда я вырасту, я стану банкиром, как папа. А ты?

– А я стану врачом. Буду спасать людей. – Маша посмотрела в окно. – А как это – быть богатым?

– Скучно, – наморщив конопатый носик, быстро ответил Антон.

Маша грустно улыбнулась.

– Бедными тоже быть невесело.

– А хочешь, я стану твоим защитником? – неожиданно выпалил Антон. – Буду защищать тебя от всего мира.

– Прямо уж от всего?

– От всего – от всего.

– Даже от себя? – спросила Маша.

– Даже от себя, – смущенно ответил Антон. – Ты прости меня... ну за тот день...

– Хорошо.

– Значит, друзья навеки? – Антон протянул Маше мизинец.

– Значит, друзья навеки. – Маша, глядя ему в глаза, вытянула свой мизинчик.

Дети сомкнули свои крохотные пальчики в детском знаке взаимного, безграничного доверия и открыто улыбнулись друг другу. На одну секунду Маша отвлеклась и увидела, что Стас, нахмурившись, стоит у стены и не отрываясь смотрит прямо на нее. Ее неожиданно пронзило странное чувство вины, будто именно в эту минуту она предала самого близкого и родного человечка. Маша виновато отдернула руку и отвернулась к окну, вновь погрузившись в созерцание бегущих по стеклу капель дождя.

Тогда Маша еще не могла осознать, что под пристальным взглядом странного мальчика в ее сердечке зародилось нечто большее, чем праздный интерес или обычная жалость. В тот день между ними зародилось новое, прежде им не знакомое, но самое великое и искреннее в мире чувство.

Глава 2

Прошло семь лет.

Уже больше десяти лет Николай жил в Лондоне, и с каждым годом ему все яснее представлялось, что зыбкая как песок мечта ускользает от него все дальше и дальше, оставляя только горький след разочарования. С тоской он вспоминал свой родной дом и так рано ушедшую из жизни жену, на похороны которой даже не смог поехать. Вспоминал он и брошенную дочь. Она представлялась ему маленькой девочкой, растерянной и одинокой.

Николай не видел, как росла дочь, но каждый раз рисовал ее портреты, представляя, какой она могла стать за эти годы. По письмам, которые часто писала его мама, он знал, что Маша очень похожа на Люсю. И он рисовал ее точной копией своей покойной жены. Рисовал ее печальные глаза, мягкую улыбку и благородный овал лица. Иногда ему казалось, что кончиками пальцев он сможет ощутить мягкость шелковистых волос, если прикоснется к еще не высохшему холсту и не застывшим краскам.

Долгими часами он сидел в своей убогой квартирке и с тоской наслаждался многочисленными портретами дочери. На одном она смеялась. На другом – грустила. На следующем – сделала свой первый шаг. А на том, что прятался в дальнем углу крохотной комнаты, – Маша танцевала. «Какой она

стала сейчас?» – часто думал Николай. Какой выросла его маленькая принцесса?

Наступила очередная осень, обычная для Лондона – пасмурная и дождливая. Встав в привычное для него время, Николай приехал на работу задолго до открытия. В трамвайчике он по привычке погрузился в свои далекие фантазии и едва не проехал нужную остановку.

Когда он вышел на нужной улице, заморосил мелкий дождик, Николай ворчливо поежился, быстро перебежал через дорогу и поспешил скрыться в стенах, ставших ему вторым домом. Он вошел в паб, накинул рабочую одежду и принялся с усердием протирать столы. В это время посетителей в заведении быть не могло, поэтому дверь осталась незапертой. Николай знал, что в основном завсегдатаи паба появляются ближе к вечеру, быстро наполняют просторные залы и тогда начинается настоящее английское веселье. Вечерами паб преображался и оживал: со всех сторон звучали громкие голоса, вкуснейшее пиво лилось рекой, от закусок и яств ломились столы и часто чаевые, собранные в такие дни, могли позволить Николаю заплатить арендную плату на целый месяц вперед или купить что-нибудь из одежды.

Продолжая готовиться к приему посетителей, Николай так глубоко погрузился в свои мысли, что не сразу услышал, как брякнул колокольчик, закрепленный на входной двери.

Оставаясь незамеченным, в заведение вошел пожилой мужчина, крупного телосложения. Он быстро стряхнул с се-

бя капли мелкого дождя, заставшего его врасплох, затем бегло окинул придирчивым взглядом пустой зал, выбрал столик у окна и сел.

Заметив посетителя, Николай смутился. Паб открывался только через полчаса, и остальные служащие не имели привычки являться ранее положенного срока. Если вдруг посетитель пожелает выпить, придется Николаю делать все самому.

Николай спрятал тряпку в карман и с дежурной улыбкой подошел к посетителю. Он положил перед ним меню и уже собирался уходить, когда тот заговорил:

– Скверная сегодня погода, не правда ли?

– Да, – учтиво ответил Николай.

Посетитель поднял на него заинтересованный взгляд и удивленно спросил:

– Вы не англичанин?

– Нет.

– Русский, – догадался посетитель и растянулся в широкой улыбке, обрадовавшись своей интуиции. – Вас не трудно узнать по акценту. Давно приехали в Лондон?

– Двенадцать лет назад.

– Приличный срок. И что же привело вас в Лондон из далекой России?

– Мечта.

– Мечта... – задумчиво повторил посетитель. – Мечта всегда ведет нас по неизведанному пути, к сожалению не всегда

он оказывается верным.

– Мой путь верен, – расправив плечи, решительно ответил Николай.

Посетитель одарил Николая заинтересованным взглядом.

– И чем же вы занимаетесь? Если не секрет.

– Не секрет. Я – художник.

– Художник, – снова задумчиво повторил посетитель, он произнес это слово со странным смакованием, словно пробовав на вкус новое изысканное блюдо. – Все мы в душе художники и творцы. Это ваши картины?

Посетитель спросил без интереса, бросив взгляд на одно из полотен, висящее у него над головой.

– Мои, – гордо ответил Николай.

– Ваши? – уже не без удивления переспросил посетитель, и взгляд его загорелся азартом. – Не может быть... Я уже не в первый раз прихожу в этот паб и порой не могу оторвать взгляда от этих полотен... Никогда бы не подумал... Они неподражаемы... просто великолепны. Нет... Знаете, правда. Ваша техника, ваш стиль – игра цветом и сочетание тонов – это божественно.

Николай услышал в голосе посетителя восторг и смущенно улыбнулся.

– Хозяин разрешил мне вывешивать картины, чтобы люди смотрели на них. Это самое большое, что он мог для меня сделать.

– Великолепно. Это просто удивительно.

И совершенно неожиданно странный посетитель, многозначительно прищурившись, принялся с нескрываемым интересом рассматривать худощавого официанта, словно оценивая и его бледность, и его правильные черты лица, и легкий налет нищеты во всем образе. Закончив осмотр, посетитель важно откинулся назад и сложил на груди свои плотные ручки.

– А если я предложу вам сотрудничество? – неожиданно возбужденно заявил он. – Вы не поверите, я уже много лет занимаюсь продажей картин в Америке и в последнее время мечтал найти что-то новое. То, что отличается от современного искусства. Я мечтал найти мастера, который видит мир не взглядом, а душой. Если это действительно ваши картины, вы, вероятно, именно тот, кого я искал. Что вы скажете?

Николай посмотрел на странного посетителя, не зная, что ответить. Он не мог поверить, что после стольких лет отчаянного ожидания судьба все же сумела найти его в этом импозантном и дорогом, но прокуренном и пафосном заведении. Ему всегда казалось, что встреча с мечтой должна быть романтической, но никак не случайной. Он ошарашенно тряхнул головой и снова пристально посмотрел на посетителя.

– Кто вы? – охрипшим от волнения голосом, тихо спросил Николай.

– Элвин Макклински, – протягивая визитную карточку, ответил посетитель. – Моя галерея находится в самом сердце Нью-Йорка, и я предлагаю вам выставлять там свои картины.

Николай дрожащей рукой принял из рук посетителя свой билет в новую жизнь и несколько минут пытался поймать прыгающие перед глазами буквы. Когда смысл происходящего дошел до него, он прослезился.

– Ну, что вы... – заботливо произнес посетитель. – Я предлагаю вам будущее. Считайте, что я волшебник, исполняющий вашу заветную мечту. Так вы согласны?

– Да, – только и смог выговорить Николай. Ему захотелось броситься на шею неизвестного благодетеля и расцеловать его бледные щеки, но, оставаясь в душе гордым, он сдержался.

– Тогда я жду вас сегодня вечером, в моей лондонской квартире. Адрес на обратной стороне. Все тонкости мы обговорим за ужином.

Когда посетитель ушел, Николай спрятался на кухне и до прихода других работников паба рьяно вытирал без остановки бегущие из глаз слезы. Как жаль, что Люся не дождалась этого дня. Как она радовалась бы за него. Возможно, судьба, решив забрать у него самое дорогое, вдруг смилостивилась и подарила долгожданную мечту.

С того самого дня, началась новая жизнь Николая Витанского. Его картины пользовались бешеным успехом. О нем начали писать журналы, о нем заговорили критики. За короткий срок, о нем в один голос заговорил весь мир. Витанский стал словно свежим глотком воздуха для искушенной публики, задыхающейся в душных джунглях мегаполисах.

С первого гонорара, Николай купил билет на самолет и отправился в Россию. Это был его первый визит на Родину и его первая встреча с дочерью. В предвкушении, он ужасно волновался: потели ладони, резво дергался глазной нерв и предательски дрожали колени, но он возвращался домой, чтобы впервые встретиться с Машей.

С того самого дня, он больше ни на одну минуту не оставит свою девочку. Теперь их жизнь начнется с чистого листа. Он не забыл, каким путем шел к своей мечте, и сделает все для того, чтобы его дочь больше никогда и ни в чем не нуждалась.

Глава 3

Моросил дождь, Маша шла по тропинке, припорошенной последним снегом. Скоро наступит весна. Уже начинали петь первые птицы и, несмотря на холод, на деревьях появлялись первые почки. С каждым днем, солнышко все чаще радовало горожан своим теплом. Последний снег, местами разбросанный на промерзшей после зимы земле, скоро отступит, и зима закончится.

Маша пожалела, что не взяла с собой зонта, ведь пришлось накинуть капюшон, а она жутко этого не любила. Маша не боялась промокнуть под дождем, просто каждый раз вспоминала слова бабушки:

– Прикрывай голову, в нашем городе такой дождь, что и облысеть недолго.

Маша не верила в эти присказки, но чтобы не расстраивать бабушку, капюшон предусмотрительно накидывала.

Первым уроком стояла математика. Маша не любила математику, слишком сложно она ей давалась. Несмотря на то, что лентяйкой Маша не была, точные науки ей приходилось буквально грызть. Спасало одно: уроки за нее всегда делал Антон. Он так привязался к Маше, после того случая в детском саду и за долгие годы, они стали практически неразлучны. Маша видела, как многозначительно он смотрит на нее, и не раз говорила, что, даже повзрослев, она не сможет стать

ему ближе, чем просто друг. Но Антону было все равно. Он не уставал повсюду слоняться за ней, преследуя на каждом шагу. Со временем Маша привыкла к его назойливому вниманию. Поэтому сегодня, выйдя из дома, она немного удивилась, не обнаружив своего верного друга на его привычном месте. Каждое утро Антон встречал ее у подъезда, брал сумку и провожал до самой школы. Конечно, Маше льстило его внимание, ведь другие девчонки в школе ей завидовали. Надо подумать, самый красивый и сильный мальчик, да еще и сын известного бизнесмена, уделял ей одной столько внимания. В этом был некий повод для гордости.

Маша не считала себя красавицей, прямые волосы (как ей хотелось, чтобы они завивались); маленький носик, забавно торчащий наверх; огромные глаза, цвета молочного шоколада, красивые, но слишком светлые, чтобы казаться карими; мягкий правильный овал лица. Фигура, как у многих девчонок ее возраста, была угловатой, но стройной – прямая спина, длинные ноги (до нелепого длинные) и лебединая шея. Наверно, когда-нибудь она станет красивой женщиной, такой же, как была ее мама, ну а пока, глядя на свое отражение, Маша видела маленького гадкого утенка, всеми нелюбимого и несчастного.

– Маш! – окликнули ее сзади.

Маша обернулась и увидела бегущего за ней Стаса. С ним они общались крайне редко, только в те минуты, когда Антона не было поблизости. В отличие от статного Антона, Стас

так и остался коротконогим и нелепым подростком. На полголовы ниже Маши, он был слишком подвижен и неутомим. Маша знала, что в последнее время он серьезно увлекался футболом, поэтому списывала его подвижность на натренированность. И даже несмотря на явное превосходство яркой внешности Антона, Стас казался Маше привлекательнее.

Узнав Стаса, Маша улыбнулась. Она всегда хорошо к нему относилась. Ей казалось, что их объединяет что-то безграничное, им обоим пока еще неведомое. Какая-то тайна или, может быть, похожая судьба. Что-то связывало их, крепкими узами, и не позволяло проходить мимо без случайного слова или взгляда.

Стас догнал Машу и, запыхавшись от быстрого бега, остановился рядом. Он протянул руку за ее сумкой.

– Можно? – нерешительно спросил он.

Маша отдала ему сумку, и они зашагали рядом.

– А где твой бегемот? – отдышавшись, спросил Стас.

– Антон?

– Да.

– Не знаю.

– Хм. Как он позволил тебе самой тащить такую тяжесть?

Маша рассмеялась. Стас всегда так забавно злился на Антона. А Антон всегда ворчал, когда рядом оказывался Стас. Маша никогда не задумывалась о причинах этих агрессивных вспышек и только забавлялась их обоюдной неприяз-

нию. Случались моменты, когда они даже в одном помещении не могли находиться спокойно. Однажды Маша пригласила Стаса на свой день рождения, Антон в приглашении не нуждался, он всегда приходил без приглашения, как само собой разумеющееся. В тот день они едва не подрались. Все случилось неожиданно. Заиграла музыка, Стас протянул Маше руку, и они пошли танцевать. Антон несколько минут наблюдал за ними, а потом вдруг вскочил и оттянул от Маши своего соперника. Они сцепились, и Антон явно одерживал победу, тогда Стас громко закричал:

– Я не смогу побить тебя, но разобью тебе губы, чтобы ты не мог ее целовать!

На крики прибежала бабушка, и ее вмешательство положило конец рыцарским разборкам. Стас ушел побежденным, Антон остался. И несмотря на то, что Маша осталась дома утешать Антона, слова Стаса занозой засели у нее в голове. Она долго не могла понять, из-за чего все началось и кого мальчишки пытались поделить. Спустя время Маша набралась смелости и попросила Стаса объяснить смысл сказанных слов. На что получила довольно грубый ответ: «Дура ты, Машка. Смотри, когда поймешь, будет поздно!» Ответ не устроил ее, и Маша решила больше не спрашивать. Обидевшись, она постаралась забыть о том инциденте, постаравшись минимизировать общение со Стасом. Достаточно было того, что Антон остался с ней. Стас на долгое время исчез из ее жизни.

Сегодня они впервые увиделись после тех неприятных слов, и Стас вел себя так, словно ничего и не было. Маша приняла его игру и сделала вид, что ничего страшного тогда не произошло.

Молча, они прошли через парк, затем по улице Яблонево́й, и впереди уже показалась школа, когда перед ними вдруг появился Антон. Он перекрыл им дорогу и бросил дерзкий взгляд на Стаса. Стас, расправив плечи и гордо задрал подбородок, спрятал за спину Машину сумку, одарив соперника вызывающим взглядом. Но Антон не отреагировал на это ребячество. На лице его лежал отпечаток глубокой задумчивости. Маша удивилась. Прежде она никогда не видела его таким серьезным.

– Что случилось? – тревожно спросила она.

– Надо поговорить, – быстро бросил Антон, намекая, что Стасу лучше отойти.

Стас решительно замер рядом с Машей, опустил голову и с отсутствующим видом начал ковырять носком замерзший с осени лист. Маша забрала у него сумку и мягко сказала:

– Увидимся в школе.

Стас вскинул голову, покраснел и гневно сверкнул глазами. Бросил на Антона ненавидящий взгляд и опрометью помчался к школе. Он бежал так быстро, что видно было только, как сверкают его пятки. Маша проводила его задумчивым взглядом, затем обернулась к Антону.

– Ты идешь в школу? – спросила Маша.

– Нет, – ответил Антон.

– Почему?

– Маш, я уезжаю.

– Куда? – удивилась Маша.

– В Лондон.

Услышав название ненавистного города, Маша разозлилась. Она решила, что Антон издевается над ней. Оттолкнув его плечом, она буркнула: «Ну и катись». Она собиралась уйти, когда Антон поймал ее за руку и развернул к себе.

– Маш, послушай. Я не шучу. У папы что-то случилось. Мы уже собрали все вещи, вечером у нас самолет. Я сам только утром узнал. Я бы позвонил тебе! Я не уехал бы как он, не попрощавшись!

Маша пристально посмотрела на друга. Антон был сильно взволнован, отчего челка его, всегда идеально уложенная, упрямо взвилась торчком наверх и вид его был довольно комичный. Скулы его ходили, он часто глотал и постоянно моргал. Маша поняла – он говорит правду.

– Ты не шутишь? Уезжаешь? – тревожно спросила она. – А как же я?

– Маш. Я пытался что-то объяснить отцу, убеждал и умолял его дать мне время, но он непреклонен. Мне надо ехать, я не могу поступить иначе. Даже если я сбегу из дома, как я буду жить? Что я буду делать? И что буду есть? – Антон нервно пригладил волосы, отчего челка встала выше и забавнее. Маша едва сдержала смешок.

– А почему так внезапно?

– Не знаю. Мама сказала, что дела его идут плохо и это временно. На несколько лет.

– На несколько лет? – в ужасе воскликнула Маша, она живо представила, как огромный лондонский туман поглощает ее друга, так, как когда-то поглотил отца, и она снова остается совсем одна.

Маша непроизвольно обняла Антона и уткнулась носом в его куртку.

– Мы еще увидимся? – с надеждой спросила Маша.

Антон протянул ей записку.

– Здесь мой новый адрес, только никому не показывай, а то родители меня прибудут. Если вдруг ничего не изменится, ты сможешь приехать ко мне на летние каникулы. Хочешь? Только если сама захочешь.

– Захочу, – ответила Маша и, чмокнув друга на прощание в щеку, ушла.

Антон проводил ее печальным взглядом. Почему-то ему не верилось, что когда-нибудь они смогут увидеться, и от этого его съедала необъяснимая грусть. Ему казалось, что эта девочка, с печальными глазами, навсегда останется в его далеком прошлом. Когда Маша исчезла в дверях школы, Антон, понуро опустив голову, побрел домой.

На уроке к Маше подсел Стас. Увидев, что соперник капитулировал, он осмелел и, не спрашивая, бросил свой потрепанный портфель на соседнее место. Маша задумчиво под-

няла голову.

– Можно? – больше из вежливости спросил Стас.

Маша кивнула.

Начался урок. Маша все никак не могла отогнать странные мысли, ей казалось, что она уже начинает скучать по Антону. Она так привыкла к его молчаливому присутствию в своей жизни. Он всегда, во всех ситуациях был рядом с ней. Даже однажды, когда она забыла дома физкультурную форму, Антон отдал ей свои шорты и футболку, за что благополучно получил двойку. Он всегда, приходя к ней в гости, приносил бабушке шоколадки – «Фазер», с крупными орешками. Маша помнила, с каким удовольствием бабушка встречала «приятного мальчика», так она его называла, и как расстраивалась, когда он долго не приходил.

Антон всегда помогал Маше делать уроки. Только благодаря его помощи, у нее появился интерес к учебе. Маша не оставила свою мечту стать врачом, но почему-то мысль о том, что для этого надо учиться на одни пятерки, пришла ей только в пятом классе. Если бы не Антон, она не вытянулась бы после начальной школы, в которой постоянно болела. Антон слишком много значит в ее жизни, как раньше она этого не замечала. А сейчас он уезжает, а она с ним даже не попрощалась. Увидятся ли они когда-нибудь? Разве бывает так, что судьба, разлучая друзей, снисходит до милости свести их вновь.

– Маш. – Голос Стаса вернул Машу в реальность.

Маша повернулась к нему вполоборота, чтобы не привлечь внимания учительницы.

– Что?

– А ты знаешь, что отец Антона вор?

– Что? – повысив голос, воскликнула Маша.

С передних парт обернулись, и учительница наградила Машу строгим взглядом.

– Тс, Машка. Не кричи, – одернул Стас. – Я говорю, он вор. Самый настоящий вор. Он в Лондон уезжает, ты уже слышала?

– Да.

– Так вот если его отец не уедет, его посадят. Он стащил все деньги с пенсионного фонда.

– Это неправда, – сердито сказала Маша, пытаясь защитить друга. – Ты говоришь это потому, что он тебе не нравится.

– Мне бабушка сказала. Она пенсию в их банке получала, а теперь ее нету. Понимаешь – нет денег! Ни копейки! Все пропало. И в городе все об этом уже начинают говорить. А я сам лично слышал, как он с Мишкой разговаривал и говорил, что они уезжают навсегда.

– Даже если все так, как ты говоришь, дети не виноваты в ошибках родителей. Он их не выбирал.

– Вот всегда ты защищаешь его, все время таскаешься с ним повсюду, а он ведь не стоит тебя. Он такой же, как его папаша. Когда вырастет, может, еще хуже станет.

– А тебе какое дело?

– А ты не знаешь? – язвительно спросил Стас.

– Либо говори, либо не начинай. Надоели твои загадки.

– Если хочешь знать, то скажу. Я тебя, Машка, давно уже люблю. С горшка еще! А ты будто и не видишь. Или притворяешься.

Стас заговорил так быстро и эмоционально, что венка на его виске запульсировала в такт голосу. А Маша давно уже упустила смысл его слов. Он говорил о любви, говорил, что она глупая и маленькая, а его любовь большая и серьезная. И много других слов говорил, а Маша молчала и смотрела на тонкую венку, не в силах оторваться и хоть что-то ответить.

Он всегда казался ей таким закрытым и загадочным. А сейчас он сидит перед ней и выворачивает наизнанку душу, а она не знает, что сказать. Как отреагировать на его неожиданное признание и что ему ответить?

Внезапно Стас затих и резко вскочил. Он схватил в охапку тетради и быстро выбежал из класса. Хлопнула дверь, учительница, в этот момент писавшая что-то на доске, обернулась и удивленно посмотрела на детей, все сидели молча, и она, не разобравшись, продолжила занятие. Только Маша не могла уже больше ее слушать. Она сидела, молча переваривая все события только начавшегося дня, так насыщенного новостями. Что же еще должно произойти, чтобы добить ее до конца? Взвесив все за и против, Маша решила, что им со Стасом нужно обязательно поговорить. Они должны объяс-

ниться и попытаться разобраться. Нельзя признаться в любви и тут же сбежать.

После уроков, Маша отправилась на футбольное поле, надеясь найти там Стаса. Они непременно должны все выяснить. Он не имел права признаваться ей в своих чувствах. Это не правильно – вешать на другого человека такую ответственность. Он даже не дал время ей все осмыслить. Разве так бывает? В их возрасте? Она непременно должна поговорить с ним и расставить все по своим местам.

Но на поле Стаса не оказалось. Не нашла она его и во дворе, где он частенько гонял мяч с соседскими мальчишками. Не было его и за гаражами, где часто дети играли в казаки-разбойники. Не было и дома. Маша ходила по городу в бесплодных поисках, не задумываясь, почему Стаса нигде нет. Маша даже не заметила, что она не просто ищет Стаса, а бесцельно слоняется по району, пытаясь переосмыслить все в своей голове. Она размышляла о своих чувствах, в памяти всплыли робкие взгляды Стаса, которые он украдкой бросал на нее. Антон никогда так не смотрел. Они оба утверждали, что любят ее, но в то же время их чувства выражались по-разному.

Запутавшись в своих мыслях, Маша несколько раз бездумно прошла мимо своего дома, и вдруг в очередной раз, проходя мимо подъезда, она заметила такси. В те времена разезжать на такси могли позволить себе только очень состоятельные люди. Маша заинтересованно замерла, не сводя

взгляда с красивого, солидного мужчины, вышедшего из машины. Мужчина рассчитался, забрал у таксиста свою сумку, и машина уехала. А он остался стоять. Маша остановилась прямо напротив и, не отрываясь, внимательно изучала загадочного незнакомца. Мужчина обернулся и случайно поймал Машин взгляд. Он замер и приветливо улыбнулся.

– Маша, – робко позвал он.

При звуке его голоса, все внутри у нее вдруг оборвалось. Прошли года, но Маша узнала его: по голосу, хотя никогда прежде его не слышала; по глазам, которые никогда прежде не видела. Ей подсказало сердце. Перед ней стоял отец. Она никогда не видела его, но явно ощутила это каждой клеточкой своей души. Красивый, улыбающийся отец раскинул руки, приглашая ее в объятия, и Маша, отбросив все прежние мысли, бросилась к нему. Он крепко обнял ее и поднял на руки. Расцеловал щеки и волосы, а Маша заплакала, в отчаянии цепляясь за ворот его дорогого пиджака. Она забыла те долгие годы разлуки, ей казалось, что она знала его всю свою жизнь. И в тот же самый момент вся прошлая жизнь куда-то исчезла, и остались только отец и его горячие объятия.

Вечером, в тот же день, Маша улетела с отцом в Лондон. Они летели тем же рейсом, что и Антон.

Вместе, дети важно восседали в бизнес-классе и оживленно обсуждали свою будущую жизнь в загадочном Лондоне. Их родители сидели рядом и вели спокойную светскую беседу. Машин отец с благородной сдержанностью рассказывал о

своих новых картинах и последней выставке, а отец Антона живо кивал, делая вид, что все понимает.

В тот же вечер, вдоволь нагулявшись, Стас вернулся домой. С порога мама сообщила, что его искала девочка из класса. Стас сразу понял, о ком идет речь, и бросился к Маше домой. Дверь открыла бабушка, с укором посмотрела на его испачканные грязью щеки и сообщила, что Маша уже улетела в Лондон и в Россию никогда больше не вернется.

Стас был шокирован. Он на несколько мгновений впал в ступор, затем стукнул кулаком в стену и громко крикнул:

– Дура Машка! Так ничего и не поняла!

На глазах изумленной женщины, он бросился бежать по ступеням вниз, с легкостью перепрыгивая одну за другой.

Так и в жизни, с этого дня, он научится перепрыгивать все преграды – легко и непринужденно. Больше никогда он не откроет своего сердца этим глупым девчонкам, решил Стас в тот злополучный день. Ведь они не заслуживают его внимания. Коварные и лживые существа! Теперь у него одна только дорога – вперед к своей мечте. И ничто не встанет на его пути. Теперь прошлое останется – прошлым. Навсегда!

Глава 4

Прошло 5 лет.

Маша проснулась, в сладком предвкушении – наступил самый важный и ответственный день в ее жизни. Она станет дебютанткой бала. Все случилось так неожиданно, и оказанная дочери художника честь стала приятным сюрпризом для всего семейства.

Конечно, поначалу Витанский очень волновался, получив официальное приглашение от комитета. Ведь бал станет первым выходом в свет его единственной дочери. Но увидев глаза дочери, загоревшиеся счастливым блеском, успокоился и постарался сделать все, чтобы этот вечер стал самым волшебным и незабываемым в жизни Марии.

По обычаю, бал проходил в самом дорогом и роскошном отеле Лондона, где собирались самые титулованные сливки общества. День бала сотни девушек ожидали с нетерпением и трепетным восторгом. В этот знаменательный день множество молодых девушек из самых богатых семей массово облачались в великолепные бальные платья и в сопровождении своих родителей ехали к парадному входу отеля на дорогих представительных автомобилях. Вечер обещал быть наполненным роскошью ушедших в прошлое королевских балов: шампанское там лилось рекой, столы ломились от деликатесов. Бал дебютанток, бесспорно, являлся самым громким со-

бытием светской жизни Лондона. И по счастливой случайности у Маши появился шанс стать частью этого волшебного таинства.

Каждая юная леди, родившаяся и выросшая на старых традициях Англии, непременно должна стать дебютанткой на этом балу. И Маша в сладостном предвкушении готовилась к своему первому выходу в свет.

На широкой, по-царски изящной кровати уже лежало великолепное бальное платье, цвета шампань, расшитое тонким бисером и тончайшим золотом, которое обошлось Витанскому в целое состояние. Платье привезли рано утром, в сопровождении охраны, что не могло не вызвать у Маши улыбку.

Сразу после того, как капитал Витанского значительно увеличился, он спешно приобрел уютный особняк в районе Челси, в три этажа, на тридцать комнат, с великолепным садом и бассейном. Дом был выстроен в викторианском стиле, с белыми колоннами, высокими арочными окнами и широкой площадкой для подъезда машин. Окруженный высоким забором и густыми кустарниками, он стоял в отдалении от главной улицы и соединялся с ней широкой липовой аллеей.

Машина комната находилась на втором этаже и разительно отличалась от прежней комнаты, в которой прошло все ее детство. Эта комната могла бы по праву принадлежать юной принцессе и красоваться в самых модных журналах по интерьеру. Дорогая мебель, портьеры, собственная ванная ком-

ната и просторная гардеробная, до отказа забитая разнообразными платьями.

Витанский как мог баловал свою дочь, не жалея денег ни на ее образование, ни на ее прихоти. В Лондоне Маша стала настоящей леди, посещала уроки бальных танцев, занималась с учителем по этикету, изучала французский и английский языки, по магазинам ходила только с гидом по стилю. И вот настало время предстать перед светом и блеснуть своими талантами. Маша имела полное право принять участие в ежегодном бале дебютанток.

На бал, помимо отца, ее вызвались сопровождать Антон и его родители.

С самого утра, после того как привезли платье, в доме воцарилась радостная суматоха. Несколько стилистов красили, причесывали и приводили в порядок будущую дебютантку. Платье пышным облаком лежало на королевской кровати. Маша каждый раз бросала на платье восхищенные взгляды и томно вздыхала. Разве думала она, что однажды жизнь ее так кардинально изменится? Теперь она уже не была той застенчивой и невзрачной девочкой из России, она стала настоящей юной леди. Точеная фигура, шикарные волосы, бархатистая кожа и темные глаза. Глядя на себя в зеркало, Маша с удовольствием отмечала произошедшие с ее внешностью перемены и не без особой гордости начинала считать себя настоящей красавицей.

В комнату с громким лаем вбежал маленький Урфик, за-

бавный пуделек, которого отец подарил Маше на прошлый день рождения, и заискивающе начал вертеться у ее ног, пытаясь лизнуть ее или поймать зубами ее тонкие пальчики. Маша отвлеклась на него, и рука девушки, делавшей ей прическу, дрогнула. Маша вскрикнула. Девушка побледнела и, виновато оглядываясь, начала оправдываться. Маша улыбнулась.

– Ничего страшного. Продолжайте, – успокоила она девушку.

Когда прическа была готова, одна из девушек, служивших в доме, помогла Маше одеться, пышная юбка облаком заструилась вниз, едва касаясь пола, и все находящиеся в комнате в один миг замерли на месте, затаив от восторга дыхание. Маша улыбнулась, подошла к зеркалу и аккуратно водрузила на голову бриллиантовую диадему. С короной на голове, она стала походить на принцессу из диснеевских мультфильмов – стройная, высокая, с красивой прической и легким макияжем, в платье небывалой красоты. Маше помогли затянуть шнуровку корсета, расправили складки платья.

– Вы словно сказочная принцесса, – сердечно призналась Марта, с восхищением глядя на молодую хозяйку.

– Спасибо Марта. Ты знаешь, когда я была маленькая, бабушка шила мне платья своими руками. Платья были очень красивыми, но с этим не сравнятся. Оно другое. Оно действительно – сказочное. – Маша не могла устоять против соблазна и, приподняв юбку, восторженно закружилась перед

зеркалом.

Закончились последние приготовления, и все служащие разом покинули комнату. Маша собрала в золотистый ридикюль самое необходимое: ключи, телефон, кредитную карту, пудру, помаду. Брызнула духами – за ушки, на запястья, на ямочку между ключицами и бросила последний взгляд в зеркало. Без лишней скромности признав, что выглядит великолепно, Маша вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Внизу ее уже ждали отец и семья Антона. Антон восхищенно посмотрел на девушку и поспешил подать ей руку.

– Леди, ваша карета подана, – лукаво подмигнув, сообщил он.

Маша одарила его ослепительной улыбкой.

– Благодарю вас, милорд.

Они засмеялись и подошли к родителям.

– А теперь фото на память, – воскликнул Витанский. – Джереми!

Подошел мажордом, высокий статный мужчина, благородной внешности, с королевской осанкой. Он служил в доме художника с самого первого дня и всем своим видом подтверждал высокий статус своего хозяина. Джереми не был коренным англичанином, он был ирландцем, но отчего-то тщательно скрывал свои истинные корни. Он с гордостью носил форму дворецкого и всегда с важностью выполнял даже самые простые поручения. Он даже двери открывал как хо-

зьяин дома. Маша всегда хорошо относилась к этому странно-му и не улыбочивому служащему, и в благодарность он снисходил до общения с юной хозяйкой. Джереми знал о Маше столько, что иногда она даже удивлялась: «Когда я успела ему об этом рассказать?» Он всегда замечал все тонкости ее настроения и часто предупреждал ту или иную неприятную ситуацию.

Семью Антона Джереми не любил. Он считал их неискренними. Довольно часто, когда Антон звонил на домашний, Джереми скорбно сообщал, что хозяйки нет дома. Упрямый служащий никогда не сообщал Маше о звонках. Он оставался верен своим взглядам на жизнь. За это Витанский его уважал и никогда не журил.

В своей привычной манере, Джереми сухо кивнул и принял фотоаппарат из рук Витанского. Маша с Антоном встали рядом, родители встали за ними.

– Снимаю, – коротко сообщил Джереми, и сразу последовала вспышка.

– Какой вы милый, Джереми, – проворковала Маша, присаживаясь в реверансе, за что получила едва заметную улыбку. Наверняка либо родителей Антона не будет видно, либо на лице самого Антона окажется какое-нибудь пятно.

Дружной компанией все вышли из дома и погрузились в шикарный белый лимузин, заказанный специально для поездки на бал.

На подъезде к отелю уже скопилось огромное количество

дорогих машин. Лимузин Витанского занял очередь, остановившись позади черного кадиллака, и медленно начал продвигаться к парадному входу.

Маша выглянула в окно, и от увиденного ладошки ее вспотели. Весь отель горел яркими огнями. Из останавливающихся машин выходили солидные люди, мужчины и женщины. Девушки в это время должны были готовиться к балу в одном из номеров отеля. Именно в эти минуты, над юными красавицами напряженно работали лучшие мастера королевства. Дебютанткам делали прически, наносили макияж, помогали надеть дорогие, эксклюзивные платья от кутюр. Это событие должно было стать по-настоящему грандиозным. Маша волновалась как никогда. Она была единственной из девушек, кто, вопреки обычаям, приехала на бал уже в платье, полностью собранной, да еще и с опозданием на последнюю репетицию.

Лимузин остановился напротив парадного входа. Лакей открыл дверь. Первым вышел Антон, протянул Маше руку и помог выйти. Маша вцепилась в друга мертвой хваткой и нервно заморгала от ослепляющих ярких вспышек фотоаппаратов. Ей показалось, что именно на нее направлено не менее тысячи объективов. Антон провел девушку до входа и оставил буквально на одно мгновение, под жадным прицелом фотокамер, но когда заветный снимок был сделан, поспешил увести ее внутрь. О родителях они уже не думали.

Бал дебютанток всегда был закрытым мероприятием. Чо-

порными матронами, с безупречной репутацией и многолетним опытом устройства подобных балов, имена приглашенных заблаговременно вносились в длинный список. И строго по заветному списку администратор сверял прибывающих нескончаемым потоком гостей.

Маша с Антоном вошли в зал и прошли по ковровой дорожке, ведущей вдоль двух рядов сервированных банкетных столов.

Координатор торжества, едва заметив Машу, театрально закатил глаза и, заламывая в волнении руки, бросился наперез нарушительнице годами устанавливаемого порядка.

– Мария, вы опоздали! – В голосе его прозвучало отчаяние, будто Маша стала единственной виновницей всех его жизненных неурядиц. – Мы уже начали волноваться, соизволите ли вы явиться. Это весьма безответственно с вашей стороны.

Организатор бросил недовольный взгляд на Антона и, схватив Машу за руку, утащил ее вглубь зала, туда, где за сценой уже собрались другие дебютантки. Маша бросила виноватый взгляд на Антона и едва успела махнуть ему на прощание рукой.

– Понимаете, у нас так не принято, – недовольно ворчал слащавый организатор. – Вы, конечно, русские, знаете, как лучше, но все же постарайтесь прислушиваться ко мне. Здесь я ваша мама и ваша наставница.

– Конечно, я приношу извинения. Этого больше не повто-

рится, – с улыбкой ответила Маша.

– О Господи, дорогая, поражен вашей наивностью! Конечно, этого не повторится! Такое событие случается только один раз в жизни. – Он так забавно закатил глаза, что Маша едва сдержала смех. Но ее веселье не укрылось от зоркого взора организатора, и он важно воскликнул: – Быстрее, быстрее, Мария. Скоро все начнется!

Театрально закатив глаза, выказывая тем самым откровенное раздражение Машиной глупостью, он оставил ее в компании других девушек, а сам бросился помогать непутевой дебютантке, у которой из прически выбился непослушный локон.

– Забавный юноша, – с улыбкой сказала одна из девушек, обращаясь к Маше.

– Весьма забавный, – согласилась Маша и поспешила представиться: – Мария.

– Стефания, – ответила девушка. – Вы не англичанка. У вас такой пикантный акцент.

– Из России. Мой папа уже много лет живет в Лондоне, а я только недавно начала по-настоящему знакомиться с Англией.

– О, Россия! Я была в России, в Москве.

– Москва – это не Россия. Москва – это Москва, – с улыбкой ответила Маша.

– О, да, я слышала что-то подобное. У вас есть много шуток о вашей столице. А вы из какого города?

– Из маленького. Название вам ничего не скажет.

Словно ночная фурия, разметая все на своем пути, вновь подлетел координатор и, яростно сверкая глазами, закричал:

– Девушки! Девушки! Приготовились! Скоро все начнется! Вы помните, что мы с вами учили? Выходим, проходим по залу, грациозно, словно богини, а в конце вечера разрезаем праздничный торт? Все помнят свои места?

Девушки дружно закивали. Одна из девушек протянула Маше руку.

– Я – Оливия. Ты стоишь передо мной. Помнишь? Так будет легче сориентироваться.

Маша попыталась вспомнить: она была на репетиции один лишь раз и смутно помнила даже лица других девушек, не то что имена и позиции. Но, запомнив имя и прическу Оливии, решила держаться ее.

– Да. Спасибо. Я и так волнуюсь, а еще такая суматоха, – честно призналась Маша.

Девушки взволнованно загудели, соглашаясь с ее словами. Заиграла музыка, координатор поднял руку, последний раз окинул взглядом своих подопечных, видимо остался доволен увиденным, так как загадочно прошептал, больше сам себе, чем девушкам:

– Ну, с богом. – А затем громче объявил: – Стефания, приготовься!

Произнесли имя, и Стефания, бросив на прощание остальным девушкам воздушный поцелуй, вышла в зал. Зал

взорвался аплодисментами. Следом прозвучало имя второй дебютантки.

Когда Маша услышала свое имя, она растерялась, но бдительный координатор резво подтолкнул ее к выходу на сцену и напутственно воскликнул:

– Вперед, Мария! Свет ждет!

Маша вышла в зал и едва не ослепла от ярких огней, направленных прямо на нее. Дорожка, по которой она должна была пройти, проходила мимо расставленных банкетных столов. Все места были заняты.

Маша шла медленно, стараясь ровно держать спину и не слишком вытягивать шею. Солидные гости с любопытством провожали ее взглядом. Она чувствовала себя настоящей принцессой, явившейся свету. Сердце ликовало.

Под шквал громких аплодисментов, Маша прошла мимо своего отца и незаметно подмигнула ему. Он улыбнулся в ответ. Антон едва успел послать девушке воздушный поцелуй, но Маша не успела его заметить. Она как раз подошла к следующему столу, когда перевела взгляд и сердце ее упало. За столом сидел Стас. Она узнала его с первого взгляда. Увидела до боли знакомое лицо, и не было необходимости рыться в кладовых памяти, чтобы в импозантном и шикарном юноше, с восторгом взирающем на нее без стеснения и приличия, разглядеть знакомые черты старого друга.

Стас сидел в расслабленной, непринужденной позе, сложив руки на груди и откинувшись на спинку стула, за столи-

ком, прямо у самого окна. Маша на мгновение потерялась и едва не споткнулась, запутавшись в платье. Улыбка сошла с ее лица, руки задрожали, а сердце забилося в учащенном темпе. Но Стас перевел взгляд и с тем же неподдельным интересом и восторгом продолжил бесцеремонно рассматривать других конкурсанток. Она поняла – он не узнал ее.

Остановившись у конечной точки, Маша повернулась лицом к залу и натянула вымученную улыбку. Миллиард вопросов вихрем закружился у нее голове: Как он оказался здесь? Почему не узнал ее? Думал ли он о ней все эти годы? Вспоминал ли? И сколько времени прошло со дня их последней встречи? Пять лет или, может, больше?

Маша вдруг отчетливо вспомнила, как она переживала, когда, приехав в Лондон, осознала, что не успела с ним попрощаться. Она вспомнила его слова, не дававшие ей с того самого дня покоя. Она ведь хотела с ним поговорить перед отъездом, но не успела. Слишком быстро все случилось. Приехал отец и увез ее навсегда. Она тогда не могла думать ни о чем другом. Она просто забыла. И только оказавшись далеко, вне предела досягаемости – вспомнила.

Маша стояла в окружении прекрасных девушек. Натянув дежурную улыбку и едва сдерживая слезы, она нервно переминала пальцами бисерный рисунок на платье. Ей пришлось столкнуться лицом к лицу со своим прошлым, но она не знала, как вести себя, что делать и как реагировать на его внезапное появление.

Маша так долго боялась признаться себе, что думает о Стасе даже больше, чем сама того желает. Каждую свободную минуту, она воскрешала в памяти его образ и любовалась красотой его юношеской мужественности. Часто вспоминала, думала, но только как о ком-то далеком, забытом, безвозвратно потерянном. И вот он здесь, возмужавший, повзрослевший, брутальный и нагловатый, сидит и демонстративно рассматривает юных девушек, в компании таких же, как он, молодых людей. Они о чем-то весело беседуют, обмениваясь многозначительными взглядами. А она смотрит на него, не в силах отвести взгляд. Каким же он кажется родным, в этом чужом Лондоне. Даже Антон и отец, и уж тем более все собравшиеся, не кажутся ей такими близкими и родными. Сколько же времени прошло? Много... очень много... А он навсегда остался в ее сердце. Ее незабытая частичка утерянного детства.

Антон сидел совсем рядом, не обращая внимания на объект Машиного пристального внимания. Вероятно, он даже не признал в стильном юноше своего прежнего соперника. Стас же несколько раз бросал случайные взгляды на Антона, но по выражению его лица Маша так и не смогла понять, узнал его или нет.

Пришло время подавать праздничный торт. Несколько официантов на позолоченной тележке выкатили многоярусное строение из крема и бисквита, безвкусно украшенное белыми цветами и усыпанное сладким бисером.

Торт разрезали на маленькие кусочки, и девушки начали разносить угощение по столам. Маша взяла тарелку и на дрожащих руках последовала за Оливией. Оливия поставила тарелку за стол Стаса, перед смуглым молодым человеком. Тот многозначительно улыбнулся и кивком поблагодарил девушку. Маша должна была поставить десерт перед Стасом. Собравшись с силами, она подошла к столу и с очаровательной улыбкой поставила тарелку. Стас поднял голову, и взгляды их встретились. На одно мгновение, Маше показалось, что он узнал ее. Она смутилась и склонила голову, но Стас сухо поблагодарил ее и вернулся к разговору с друзьями.

«Не узнал», – разочарованно подумала Маша и отошла.

Когда церемония чаепития закончилась, тележку с остатками сладкого укатили, освобождая танцпол. Заиграла музыка, и несколько мужчин из зала вышли приглашать юных красавиц на первый танец.

Стас поднялся и направился к группе сияющих от восторга девушек. Маша наблюдала за ним с бешено бьющимся сердцем, но ей казалось, что идет он вовсе не к ней. Стас не смотрел прямо на нее, как бы выбирая, он рассматривал всех девушек.

Маша так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как поднялся Антон и целенаправленно пошел в ее сторону. Маша заметила его слишком поздно, когда он уже подходил. Она поймала его взгляд, заглянула в улыбающиеся глаза и уже собиралась сделать шаг навстречу, когда дорогу ей пре-

градил Стас и, галантно вытянувшись по всем правилам лондонского этикета, протянул руку:

– Позвольте? – произнес он.

От неожиданности Маша растерялась, бросила извиняющийся взгляд на Антона и приняла приглашение на танец. Обхватив по-хозяйски Машу за талию, Стас закружил ее в вальсе.

– Вы хорошо танцуете, – с восторгом заметил он.

– Долгие месяцы тренировок сделали свое дело.

Маша успела заметить, как Антон пригласил на танец Стефанию, но сам не отрываясь продолжает следить за ней. Он то и дело поворачивал голову, совершенно не уделяя внимания своей партнерше.

Стас оказался великолепным танцором, и Маша решила ответить ему взаимным комплиментом.

– Вы тоже неплохо танцуете.

Стас глухо усмехнулся.

– Я играю в футбол, мои ноги кормят меня. Они должны хорошо танцевать, – весело ответил он. – А чем вы занимаетесь?

– Учусь. На врача.

– На врача? Это очень хорошо. Я уважаю таких людей. А что привело вас на это чопорное мероприятие? Вы не очень-то похожи на этих милостивых и неопытных дебютанток.

Маше показалось, что своим грубым намеком Стас обвинил ее в распущенности и порочности, но обижаться не ста-

ла.

– Мне прислали приглашение, и папа настоял на моем согласии. Я никогда не думала, что бал дебютанток сможет привлечь мое внимание. Ну, разве только пощеголять в дорогих украшениях и нарядиться в великолепное платье.

– Весьма любопытные мотивации. Обычно девушки видят в подобных мероприятиях хороший старт в жизни.

– Меня устраивает мое нынешнее положение. Я ничего не хотела бы улучшить или изменить, – призналась Маша.

– Я, простите, забыл представиться – Станислав.

Маша про себя повторила его имя, чувствуя, как смакует на губах каждый звук, и смущенно улыбнулась, подумав, что он может прочесть ее мысли по задумчивому взгляду. Стас посмотрел на Машу, и от этого взгляда у нее по коже забегали мурашки, а сердце учащенно забилось. Маша не могла вспомнить, смотрел ли он на нее с таким же восторгом тогда, в далеком детстве.

– А у прекрасной дебютантки есть имя? – хриплый голос Стаса оторвал ее от мыслей.

– Мария, – еще больше смутившись, представилась Маша.

– Красивое имя. Королевское.

Закончилась музыка, но Стас все никак не отпускал свою партнершу. Пожирая ее восхищенным и туманным взглядом, он продолжал обнимать Машу немного крепче, чем позволяли приличия. Антон со стороны наблюдал за ними. И вдруг, почувствовав в сопернике откровенную угрозу, он

бросился защищать свою избранницу.

Вновь заиграла музыка, и Антон попытался поймать Машу за руку. Но Стас бросил на соперника уничтожающий взгляд.

– Вы позволите, я украду свою даму? – возмутился Антон.

– Вашу даму? – приподняв одну бровь, насмешливо переспросил Стас.

– Да, – важно заявил Антон. – Мою даму. Невесту, я уточнил бы, дабы разрушить все ваши последние сомнения.

Маша почувствовала, как Стас с силой сжал ее руку и вдруг резко отпустил. Затем бросил на нее холодный взгляд и мягко оттолкнул от себя, при этом лицо его обрело совершенно отчужденный вид. Казалось, он просто передает свою партнершу новому кавалеру. Антон жадно схватил Машу в охапку и в танце увлек подальше от соперника. Стас остался стоять в стороне, словно коршун из засады, зорко наблюдая за танцующими парами.

В танце, Антон то и дело бросал косые взгляды в сторону соперника и намеренно прижимал Машу все ближе. Терпеть его медвежью грубость стало совсем невмоготу, и Маша прошептала:

– Ты делаешь мне больно.

– Кто это был? – не обращая внимания на Машино недовольство, проворчал Антон.

– Не знаю. Молодой человек. Ты слышишь, мне неприятно...

– Вот наглец, – намеренно игнорируя жалобы, прошипел Антон. – До сих пор пялится на тебя. И лапал так, будто вы уже двадцать лет женаты и он имеет на тебя все права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.